

МНИМОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ

Материалы "круглого стола" в редакции газеты "Завтра"

Александр НАГОРНЫЙ, политолог.

Уважаемые коллеги! Сегодня мы обсуждаем проблемы современной российской экономики, ее плюсы и минусы. Понятно, что России чудесным образом предоставлена очередная "нефтяная пауза", широкий спектр возможностей для дальнейшего развития. Растут золотовалютные запасы страны, выплачивается внешний долг, текущие темпы экономического роста позволяют даже надеяться на удвоение ВВП в ближайшее десятилетие и достижение уровня Португалии, что казалось немыслимым еще пять лет назад. Но в основе этих успехов лежит один-единственный фактор — резкий рост мировых цен на энергоносители, прежде всего нефть. Структурных изменений в нашей экономике не произошло, а это заставляет всерьез задуматься о том, насколько эфемерным может оказаться нынешнее благополучие. Итак, ваши оценки, выводы, прогнозы.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ, телеведущий.

Позволю себе оспорить утверждение нашего ведущего. Думаю, уже для всех очевидно, что реально российская экономика не развивается, высокие цены на нефть на ней практически не сказываются. Вернее, сказываются как определенного рода наркотик или консервант существующей ситуации, а не стимул для развития. Да, происходит обогащение достаточно узких групп населения, государство выполняет свои социальные обязательства, но развития нет. И то, что Россия сегодня получает дополнительные нефтедоллары, является плюсом для наших иностранных партнеров. Происходит вывоз капитала в самых разных формах, увеличивается объем потребления импортных товаров, усиливается зависимость страны от внешнего рынка. В результате Россия выходит на путь монокультуры, "нефтяного государства", а это совершенно определенный тип государства, политической власти, финансовых отношений. Одним словом, тупиковая ситуация, тупиковая структура. Правительство при этом до последнего времени отказывалось от всякой экономической политики.

В этом смысле само появление программы Фрадкова является значительным шагом вперед. Можно говорить, что в ней нечетко, неправильно, что упущено, но, на мой взгляд, это реальная программа развития, где обозначены все задачи, которые сегодня стоят перед страной. Проблема в том, что выполнять ее некому. В правительстве существуют чрезвычайно влиятельные силы, которые являются препятствием для развития. Пока главным лицом, отвечающим за экономическое развитие, остается Герман Греф, про экономическое развитие можно забыть — развитие либералов не интересует. Есть идея развития и есть идея свободы. Дилемма в российской экономике и вообще в России сегодня стоит просто: или есть страна, которая развивается, или есть свобода. Лично я считаю, что сначала должен быть объект, то есть страна, а уже потом у этого объекта могут быть свойства, качества — в том числе качество свободы. Российское государство в его сегодняшнем виде неспособно к развитию, оно как будто ждет, что на него снизойдет какой-то сверхъестественный свет, который сам собой решит все проблемы.

Михаил ДЕЛЯГИН, экономист, научный руководитель Института проблем глобализации.

Я согласен с тем, что Россия пожинает плоды запредельных цен на нефть. Общий технологический уровень производства остается очень низким. С одной стороны, развивающиеся производства, как правило, либо наращивают выпуск на достаточно примитивном уровне, не нуждаясь в его повышении, либо закупают технологии в более развитых странах (достаточно вспомнить, как в прошлом году импорт нефтегазового оборудования возрос на четверть — при спаде производ-

ства на 9%!)). С другой стороны, физическая нехватка инженеров и квалифицированных рабочих часто не позволяет применять сложные технологии даже там, где для этого есть все предпосылки.

Неиспользуемые остатки федерального бюджета превысили эквивалент 16 млрд. долл. и продолжают замораживаться в Стабилизационном фонде, золотовалютные резервы Центробанка составили 89 млрд.долл. При этом государство, считающее своей единственной реальной целью снижение инфляции (мистическое "удвоение ВВП" является для шаманящих бюрократов от экономики не более чем ритуальным заклинанием), вернулось к сверхжесткой финансовой политике в стиле середины 90-х годов. Именно эта политика создала предпосылки для июльского банковского кризиса, а сегодня создает их для перегретого рынка московской недвижимости.

Сегодня Россия переживает второй, после гайдаровской либерализации цен, виток либеральных реформ. Пенсионная реформа, носящая выраженный конфискационный характер и отрицающая даже право будущего пенсионера на простую сохранность пенсионных взносов. Отменяющий право на жилье пакет жилищных законов, реформы образования и здравоохранения, делающие эти сферы недоступными для малоимущих, развязывающая подлинный социальный геноцид "монетизация льгот" - этот перечень можно продолжать. Характерным примером является снижение налогов, потери которого для бюджета компенсируются сокращением социальных и медицинских гарантий более чем на 30 млрд. рублей в одном лишь только 2005 году!

Если президент подпишет законы о монетизации, осознанно (а его внимание обращали на это и простые люди в процессе целого ряда кампаний по сбору подписей!) нарушив Конституцию и дав "зеленый свет" социальному геноциду собственного народа, люди начнут отворачиваться от него, как в свое время от Горбачева. После этого власти будет уже поздно пытаться что-либо сделать.

Официальная статистика считает рубли, полученные населением от продажи долларов, его доходами. С учетом данной погрешности в январе-мае этого года, например, доходы населения не только не росли, но и несколько снижались от месяца к месяцу. Их рост начался лишь в июне — и это в условиях, когда правящая бюрократия буквально захлебывается от нефтедолларов!

Нынешние реформы нацелены не на производственную сферу, но на повседневную жизнь каждой семьи и потому носят более глубокий, более всеобъемлющий и более разрушительный характер, чем даже реформы 12-летней давности, которые наше общество с трудом, но всё же пережило.

В результате этих либеральных реформ официально бизнесу вроде бы передаются значительные деньги, но в условиях незащищенности собственности они не могут быть направлены на развитие и в конечном счете предназначены для теневого, скрытого перераспределения в

пользу правящей бюрократии — "силовой олигархии", успешно вытесняющей "коммерческую олигархию" эпохи Ельцина.

Напускной либерализм является всего лишь прикрытием для огосударствления экономики и захвату контроля за ней представителями "силовой олигархии", приватизирующими государство не хуже либеральных фундаменталистов. При всей слабости и неадекватности брежневского управления "эпохи застоя", приведшего СССР к поражению в глобальной конкуренции и уничтожению, на фоне нынешнего государственного управления оно выглядит недостижимым сияющим идеалом.

Робкая попытка осуществить несколько инновационных проектов, предпринятая вице-премьером Алешиным, насколько можно понять, была похоронена ввергнувшей правительство в паралич административной реформой. Более того: накопленное технологическое отставание умышленно усугубляется нынешними руководителями. В качестве примера можно привести заявление министра обороны С.Иванова о модернизации заведомо устаревших Су-24, неспособных ни на какие операции, кроме полицейских, — и это в условиях, когда промышленность элементарно утрачивает саму способность производить современные виды вооружений, унаследованные от СССР, а о разработке техники "завтрашнего дня" нет и речи. При таком руководстве даже намеченное увеличение военного бюджета на 40% не приведет к модернизации вооружения и, соответственно, к росту высокотехнологичных производств. О системном развитии гражданских высоких технологий тем более нет и речи.

Экономические проблемы будут постепенно нарастать, и внезапно, скачком, из-за пустяковой ошибки, допущенной в силу безграмотности и безответственности либеральных фундаменталистов и "силовых" олигархов, превратятся в системный кризис, после чего бюрократический монстр, построенный в последние годы, начнет рассыпаться, как картонный домик.

Если в момент начала кризиса российское общество будет осознавать как сверхценность задачу сохранения территориальной целостности своей Родины и категорическую невозможность разбазаривания ее неотъемлемых частей, будь то Калининградская область, Северный Кавказ или Южные Курилы, оно сможет выделить из себя массы ответственных и дееспособных людей, которые создадут эффективные структуры управления и обеспечат политическую, а затем и экономическую модернизацию России.

Однако если сверхценность территориальной целостности будет сознаваться недостаточно, страна будет разорвана на куски беспорядочной дракой своры политиканов за власть — примерно так же (и, вероятно, с худшими последствиями), как это было 13 лет назад.

Внешнее давление при этом не сыграет решающей роли: у наших стратегических конкурентов к тому моменту будет столько собственных проблем, что им будет не до нас. Кроме того, они никогда не понимали специфики развития российского общества, и в силу этого

в критических, переломных ситуациях будут принимать неправильные и потому безопасные для нас решения.

Олег ГРИГОРЬЕВ, экономист.

Прежде всего, с точки зрения статистических данных, ситуация выглядит вполне благополучно. Я не думаю, что наши статистики манипулируют цифрами. Но дело в том, что последние два десятилетия ситуация в экономике связана с опаданием и надуванием разного рода финансовых пузырей. Надувание этих пузырей наша статистика отражает, а вот обратные процессы далеко не всегда. В итоге существенно искажается общая картина. И то, что наш рост — за счет пузырей, доказывает недавний банковский кризис. Его удалось локализовать, он не привел к серьезным последствиям, но сам факт его возникновения на совершенно безоблачном вроде бы фоне говорит о многом. Это свидетельство того, что нынешний экономический рост, какие бы показатели ни давала статистика, не является здоровым ростом.

Нынешняя банковская пирамида в России соединена с пирамидой жилищного сектора и держится на доверии, как и МММ, и ГКО. Причем сегодня это — доверие лично к Владимиру Владимировичу Путину. Как только доверие нарушается, сразу выясняется, что вся пирамида построена на песке, надут один большой пузырь, за которым реально ничего нет.

Почему строятся пирамиды, а не происходит нормального роста? В стране давно уже нет сколько-нибудь привлекательных инвестиционных проектов. Может, кто-то и хочет инвестировать, но куда? Деньги приходят в банки, их много в стране, однако вложить их в проект, который гарантирует хотя бы сохранность этих денег, — практически невозможно. Частный капитал в России и в мире вообще не может создать условия, в которых эти проекты появятся. Он может только работать там после их появления.

Но у нас государство не занимается, не хочет заниматься созданием новых проектов, да и не представляет себе, как это делается. Очень характерны рассуждения того же Фрадкова по этому поводу. Он заявляет, что вообще не понимает, зачем нам нужно Министерство экономики, если макроситуацию может исследовать и Министерство финансов. Да, если государство не создает масштабных экономических проектов, а занимается в основном приватизацией госсобственности, хватает Минфина и ГКИ, как было при Ельцине. А что дальше?

Я ожидаю, что повторение банковского кризиса с гораздо более тяжелыми последствиями произойдет до конца этого года, пока цены на нефть будут расти. Потому что если бы он произошел на фоне снижения, у президента было бы оправдание: а что я могу сделать, вы не видите, что ли, цены падают? Есть все основания думать, что наш пузырь начнет сокращаться раньше, чем мировой, поскольку Россия — объективно слабое звено глобальной экономики. И будет сложно сваливать всё на неблагоприятные внешние условия. И это будет уже неплохо — хотя бы у кое-кого мозги прочистятся.

Анатолий БАРАНОВ, политолог.

Я соглашусь с Олегом Григорьевым по поводу близости экономического кризиса в России, поскольку налицо недофинансирование реального сектора и выстраивание на месте комплексной и самодостаточной советской экономики, долгое время опиравшейся на обрабатывающие отрасли промышленности, разорванной модели с сырьевым уклоном. Да, есть пищевая промышленность, промышленность стройматериалов и прочие второстепенные отрасли — кстати, здесь и происходит рост, сюда вкладываются деньги. И прибыль есть. Вы можете поехать в Белгород и увидеть там огромный комбинат, который обеспечивает всю центральную Россию пепси-колой. Но там работает от силы человек сто, поскольку разбавить готовый концентрат водой и разлить в емкости — для этого много рабочей силы не надо. А советская экономика ставила во главу угла прежде всего максимальное включение в производственный процесс населения страны. Благодаря этому наш способ производства отличался большой долей личного участия рабочего, его ручного труда. Не землекоп-таджика, который сейчас работает на стройке, а рабочего суперквалификации, иногда с высшим образованием. Приезжая в СССР, иностранцы просили нас показать производство, ожидая увидеть чудесные станки, технологические линии, а видели только токаря дядю Васю, который со своим шестым разрядом точил детали на микронных допусках на глазок, как лесковский Левша. И этот дядя Вася был главным элементом нашей системы! Сейчас, чтобы производить пепси-колу, нужны лишь молодые и, желательно, непьющие.

В процессе "рыночных реформ" произошло не просто вымывание высокотехнологичных отраслей производства, но, главное, изменилось количество и качество нашего рабочего класса. Недавно из-за отсутствия кадров на одном заводе не смогли осуществить сборку самолета Ту-334. Все станки остались, но завод пятнадцать лет стоял без заказов, люди разбрелись, и работать некому. В результате там пришлось сначала восстановить ПТУ и начинать всё заново, буквально с нуля. Если ведущие конструкторы стоят у станка и сами обучают рабочих необходимым действиям — это как называется? Поэтому, когда мы говорим о производственных инвестициях, мы должны понимать, что вложения в стены и оборудование имеют смысл только тогда, когда есть люди, готовые работать в этих технологических процессах. Фактически наша страна стоит перед необходимостью реиндустриализации. А это колоссальное вложение средств и людских ресурсов — но каким способом? Сталинские методы тридцатых годов сегодня закрыты.

Между тем Китай и прочие страны-потребители российской продукции всё меньше нуждаются в наших станках, они строят их уже сами. Скажем, на одном машиностроительном заводе Китай закупал еще пять лет назад всю номенклатуру продукции, сегодня — только отдельные, наиболее сложные машины. Через два-три года можно будет закрываться, и никакие деньги уже не помогут. А "нефтяная" и прочая сырьевая экономика означает, хотим мы того или нет, резкое, в 2-3 раза сокращение населения страны. В свою очередь, этот процесс приведет к обрушению всей системы жизнеобеспечения, утрате обороноспособности и так далее.

Михаил ХАЗИН, экономист.

В рамках социалистической системы мы умели производить всё. Кроме того, были и дополнительные источники дохода — например, продажа нефти на Запад. После разрушения Варшавского договора и СЭВ началась моментальная деградация этой системы с потерей рынков стран, потом союзных республик и собственного внутреннего рынка. В результате Россия стала составной частью мировой системы разделения труда, созданной Западом и работающей в интересах Запада. Нынешние мировые производственные мощности загружены процентов на шестьдесят, и создавать новые на территории России и для России никто не намерен. Я долгое время работал в Министерстве экономики и всё время слышал от начальства: "Наша задача — привлекать инвестиции". Но я ни разу не получил ответа на вопрос: кто и зачем будет вкладывать деньги в Россию при тех условиях, к которым стремились российские "либералы"?

Иногда меня обвиняли в идеологической диверсии, иногда шутиливо просили не задавать идиотских вопросов... Но не отвечали. Потому что сами знали: некому и незачем. С тех прошло несколько лет, в министерстве сменилось несколько министров, и только в части определения условий, которые необходимы для реального привлечения инвестиций, ничего не изменилось.

А действительно, чем сейчас привлекательна Россия для инвесторов? На сегодня вложения в нее бессмысленны. Бессмысленно производить в нашей стране товары на экспорт — мы всё равно и приблизиться не сможем к китайской себестоимости, а значит, не сможем их реализовать. Для внутреннего потребления — тоже сложно: защиты рынков нет, внутренний спрос сильно снижен за счет упорной борьбы "либералов" за финансовую стабилизацию. Про сбережения лучше вообще не говорить. Рынок жилья тоже: ипотека - не ипотека, а при таком уровне доходов на семью, который есть сейчас, это, прямо скажем, очередная "утка", придуманная для решения краткосрочных политических проблем тех же либералов. Существуют только мелкие точки роста — например, продавать самолеты тем же китайцам, у американцев они не покупают из-за боязни шпионских закладок. Но, поскольку профицит бюджета складывается в неизвестной "банке", то и развития авиации нет — а значит, через несколько лет ей придет конец.

И в заключение. Нынешняя экономическая система поддерживать политическую власть не в состоянии. Реальная инфляция в стране — не 10% годовых, как официально и безответственно заявляется, в том числе в послании президента Федеральному Собранию, а минимум 25%. Что делать банкам, где зарабатывать деньги, кому и на что давать кредиты? Ведь ставка привлечения денег определяется жизнью, а не выдумками Грефа. Снижать эту ставку уж точно невозможно, а как получать прибыль? Именно по этой причине я утверждаю, что, в отличие от 1998 года, когда "объективных" оснований для кризиса не было (а были только "субъективные"), сейчас они есть, и очень даже существенные.

Поэтому нас неминуемо ждет исчезновение этой власти и хаос. Через два года, а может быть, и раньше.

Выход из нынешней тупиковой ситуации может лежать только через подготовку новых административных кадров, через развитие образования, здравоохранения, всей той социальной сферы, ответственность за которую сегодня сбрасывается государством, как раньше была сброшена ответственность за экономику. Еще раз повторю — нынешняя экономическая система не в состоянии "прокормить" нынешнюю абсолютно неадекватную существующим реалиям власть. И либо власть изменится буквально в ближайшие месяцы, или до следующих выборов она просто не доживет. Может быть, вместе со страной.

Сергей ЕГИШЯНЦ, финансист.

Официальные данные по росту ВВП не внушают доверия. Его расчёт ведётся так: вычисляется общая добавленная стоимость произведённых в отчётном году товаров и услуг, она делится на такой же показатель предыдущего года, после чего полученный "индекс роста" делится на индекс-дефлятор. Беда заключается в том, что последний рассчитывается, мягко говоря, странно - в смысле полученных результатов. Прежде всего, это касается цен на товары конечного потребления - если верить Госкомстату, то придётся признать уникальность российской экономики: например, по официальным данным, потребительские цены в июне сего года выросли по отношению к июню 2003 года на 10,1%, тогда как отпускные цены производителей - на 25.9%. Такое было бы возможно лишь при условии снижения рентабельности торговли, а также стагнации цен на услуги, прежде всего коммунальные и транспортные. В реальности всё обстоит наоборот: торговля бурно развивается (что было бы невозможно при заметном падении рентабельности в этой сфере), а цены на услуги растут быстро (например, грузовые перевозки за тот же период подорожали на 19,4%, жилищно-коммунальные услуги — на 23,4% и т.д.) Вполне резонно будет сделать вывод, что официальные показатели роста ВВП далеки от реальности.

Реальность же проста: экономический рост почти целиком сосредоточен на нескольких направлениях. Это:

- добыча и переработка природных ресурсов;
- производство средств производства для добывающей промышленности;
- сфера услуг;
- строительство.

Из-за массовой эмиссии долларов с весны 2002 до весны 2004 года сводный индекс цен на энергоносители, металлы и сельскохозяйственные товары (так называемый индекс CRB) вырос более чем в полтора раза. Отсутствие в России налогообложения корпоративных сырьевых сверхдоходов обеспечивает суперрентабельность всему сырьевому сектору — ну, а тот в свою очередь создаёт высокий спрос на машины и оборудование для себя, а также на услуги розничной торговли, жильё (приобретаемое в спекулятивных целях, как вложение денег, а не для проживания в нём) и дорогие потребительские товары. Отрасли же, работающие на внутренний спрос, а не на экспорт (лёгкая, текстильная, пищевая промышленность, сельское хозяйство, многие области машиностроения, производство удобрений и др.), не растут или даже продолжают своё многолетнее падение.

Исключения не часты — хотя и сами по себе показательны: например, в пищевой промышленности наибольший рост показывает производство спиртных напитков. Экономическая политика российских властей делает естественное ("рыночное") развитие этих отраслей невозможным по следующим причинам.

Массовый потребительский спрос не стимулируется. В сырьевом секторе (включая добычу и переработку полезных ископаемых, энергетику, лесную промышленность) занято лишь 4% всей рабочей силы России. Поэтому и генерируемый этими отраслями платежеспособный спрос достаточно узок, вследствие чего значительная часть сверхприбылей сырьевого сектора не потребляется и не инвестируется.

Открытость российской экономики (низкие таможенные пошлины) означает опережающий рост импорта: реально конкурировать с транснациональными корпорациями (ТНК) могут лишь структуры, сопоставимые с ними по масштабам; но с крупными мировыми ТНК сравнима разве что вся Россия в целом, тогда как отдельные (даже крупные для нашей страны) компании обречены на конкурентное поражение — известный математический принцип ("теорема о безопасной игре") утверждает, что таковые при прочих равных условиях за конечный промежуток времени разорятся с вероятностью, равной единице, то есть в любом случае.

Коммерциализация социальной сферы, инфраструктура и систем жизнеобеспечения оттягивает немногие дополнительные доходы населения и предприятий на оплату быстро дорожающих услуг, или (там, где их цена директивно сдерживается) порождает быструю деградацию систем жизнеобеспечения, коммуникаций, образования, науки, культуры и охраны здоровья.

Масштабное восстановление или замена изношенных основных средств (в целом по производственной сфере экономики износ составляет более 50%) за счёт кредитов невозможны из-за высоких процентных ставок, паразитичности финансовой системы и открытости для российских финансовых институтов мировых денежных рынков (банкам проще направить средства, скажем, в американские казначейские или корпоративные облигации, чем в кредиты российским предприятиям).

Наконец, стремительное разложение силовых служб вызывает упадок межрегиональной экономической деятельности, потому что противостоять бандитским наездам силовиков могут лишь редкие мощные корпоративные суперструктуры, тогда как подавляющее большинство мелких и средних агентов экономики бессильны.

Подобная (по сути, латиноамериканская) модель развития экономики являет собой в периоды роста прямой путь по формированию, с одной стороны, так называемых "пузырей" (спекулятивные активы финансовых рынков и недвижимости), а с другой — к классическим кризисам перепроизводства. Крайне неразвита в России финансовая сфера не смогла создать заметных пузырей (сравнимых по масштабам с ГКО в 1997 году), зато пузырь недвижимости наличествует во всей его красе. Только один факт:

при нынешних ценах общая рыночная стоимость московского жилья (только московского!) равна годовому ВВП всей России — для сравнения, в Америке стоимость жилья всей страны составляет 125% ВВП США, то есть ненамного больше. Подобный пузырь лопается легко: стоит лишь возникнуть тревожному настроению среди тех, кто купил жильё в спекулятивных целях, как они начнут продавать свои квартиры и дома — а никакого сравнимого по масштабам массового естественного спроса на жильё эти продажи не встретят (его просто нет, ибо дорого), из-за чего быстро возникнут уже массовые панические продажи и обвал цен. Ну а кризис перепроизводства становится лишь вопросом времени — возможно, привязанным к изменению конъюнктуры мировых сырьевых рынков, а быть может, даже и без такого принципиального изменения. Никаких иных примеров мировая практика эпохи глобализации не даёт; а наиболее близкий ситуации в современной России чилийский опыт времён Пиночета только подтверждает сказанное: вопреки либеральной пропаганде "чилийского чуда", тамошняя экономика всё время правления хунты попросту повторяла траекторию мировых цен на медь, абсолютно не способная создать хоть какое-то подобие независимого от сырья устойчивого роста.

Александр АНИСИМОВ, экономист.

В основе стратегии российских "реформ" лежит представление о существовании некоей идеальной рыночной модели, которой надлежит следовать при всех условиях. В реальности же экономической политике, даже сверхэффективной, положено меняться, и она меняется: в среднем раз за 30–40 лет. Относительным долгожителем была модель, основанная на системе золотовалютного стандарта в комбинации с сильно варьирующими таможенными пошлинами. Время ее жизни — приблизительно 50 лет, с 1867 по 1914 год. Между двумя мировыми войнами, за 20 лет, сменилось две экономических модели: модель либерализованной открытой экономики (20-е годы) была заменена в 30-е годы моделью регулируемой экономики с высоким уровнем автономности экономических модулей. После Второй мировой войны в действие была введена, назовем ее так, бреттон-вудская экономическая модель регулируемого смешанного хозяйства, базировавшаяся на принципе ограниченной обратимости золота и рассчитанная на достижение высоких темпов экономического роста, что диктовалось потребностями экономического и политического соревнования "западного блока" и соцлагеря.

С середины 70-х годов, когда экономика СССР утратила динамику, на смену бреттон-вудской модели пришла модель неолиберализма, целью которой является не достижение экономического роста, а перераспределение имеющихся активов в пользу наиболее сильных агентов рынка. Эта модель, рассчитанная на то, чтобы "стричь баранов", и была воспринята у нас в качестве единственного идеала. Но ее господству уже очевидно приходит конец.

Модель регулируемой, смешанной экономики "бреттон-вудского" типа, несмотря на то, что именно она выиграла "экономическое соревнование двух систем", у нас воспринимается как ересь, как опаснейший уклон, о котором правоверный либерал-рыночник не смеет и помыслить. Но который, к счастью, изжит.

Однако на деле он вовсе не изжит. К моменту ликвидации СССР на долю стран с регулируемым смешанным рыночным хозяйством приходилось около 25% мирового промышленного производства, а сегодня на долю этих "еретиков глобализма" приходится 40% мирового производства. Кто эти еретики? Почти все мусульманские страны, Индия и Китай. Китай долго скрывал истинные масштабы своей экономики, я уже говорил об этом ранее, но сейчас они начали коррекцию своих показателей, давая гигантский рост ВВП. Не может быть роста проката на 110 млн. тонн в год, физически не может. Значит, в Пекине или врут, или просто показывают ранее скрываемые цифры. КНР производит сегодня в 2 раза больше микрокомпьютеров, чем США, потребляет столько же стали, сколько США и ЕС вместе взятые, и производит строительных материалов больше, чем вместе взятые развитые страны. В реальном исчислении ВВП Китая больше, чем у США, и намного.

Западная "экономика застоя" — банкрот в буквальном смысле слова. США, или, точнее, доллар держатся только покупками Японией и Китаем американских государственных облигаций и распродажей теми же США по дешевке своего национального достояния. Но это ведь не навсегда.

Теперь посмотрим, каковы собственно результаты 15 лет строительства неоллиберальной экономики в России. О том, что наш ВВП снизился за годы "реформ" на 40%, а промышленное производство — вдвое, что население потребляет почти в 2 раза меньше мяса, чем в 1990 году, и так далее, я говорить не буду. Об этом говорено уже много.

Обратимся к вещам, понятным даже для либерала. Сверхзадачей реформ, как известно, было создание в России такой экономики, которая позволила бы интегрировать Россию в мировое сообщество. А конкретно — в общество развитых стран. Создана ли у нас такая экономика за 15 лет? Разумеется, нет. Если экономика России образца 1990 года действительно могла быть интегрирована в мировую экономику лет за пять при разумном варианте экономической политики, то сегодня она в принципе не может быть интегрирована в мировую экономику. Жизненный уровень 80% российского населения снизился в 2 раза.

А в Китае заработная плата, исходя из паритета покупательной силы рубля и юаня, 6-7 тысяч рублей. Греф, который хочет ввозить сюда китайских рабочих, может быть, этого и не знает, но они за копейки по 20 часов в сутки здесь работать не будут, их права будут защищаться Пекином, и это будет интеграция России в китайскую экономику.

А как со строительством рыночного механизма? Каковы тут достижения реформ? Дела и здесь обстоят, мягко говоря, плачевно. Российская экономика открыта и либерализована гораздо сильнее, чем экономика США. Но рыночное хозяйство не может функционировать, если фондовый рынок недооценивает активы в 10-20 и даже 5 раз. Ибо при такой недооценке активов парализуется склонность к производственным инвестициям. Зачем инвестировать, когда рынок оценивает твои инвестиции в 10 раз ниже реального уровня произведенных затрат. И, сверх того, как вообще инвести-

ровать в производство, если нет дешевых средне- и долгосрочных кредитов?

Чем же занимаются господа реформаторы? В отсутствие сколько-нибудь нормального институционального базиса экономики они занимаются либерализацией институциональной надстройки. Что это значит на практике? Это значит, что они делают именно то, что делают: меньше льгот, больше платности, равные права для иностранных конкурентов с мощной кредитной поддержкой и наших рыночных рахитов, лишенных таковой и доведенных до состояния банкротства, вступление в ВТО, "мировые" цены на энергоносители.

Что же нужно делать в первую очередь? Нужно создать институциональный базис рыночных реформ, то есть привести в эффективное состояние и кредитную систему, и фондовый рынок. Отрегулировать корпоративную структуру экономики. Наконец, социальная политика должна соответствовать условиям экономической и социальной обстановки и уровню заработной платы.

Эти меры — вполне в духе даже самого либерального варианта экономической политики. Никакого ВТО, никаких мировых цен на энергоносители. И никакой реформы ЖКХ, которая в наших нынешних условиях превратит ЖКХ в криминальное царство. Соответственно — никакого вытеснения государства из ЖКХ. А дальше — следующий этап: экономическая модель Франции, Италии или Германии 50-х годов, а еще лучше — Южной Кореи 60-х—70-х годов. До более эффективной модели мы не доросли. Слишком неэффективны предприниматели. Слишком много конъюнктурных рисков. Слишком низка склонность частного сектора к производственным капиталовложениям. И, наконец, слишком депрессивен мировой рынок.

Антон СУРИКОВ, политолог.

Президент в послании Федеральному Собранию предельно четко сформулировал мысль о том, что выбранный курс реформ ревизии не подлежит. Здесь, на мой взгляд, у общественности существует заблуждение относительно целей, которые ставили Гайдар и Чубайс, начиная эти реформы. Я думаю, не совсем точно было бы считать, что их главной целью являлось предоставление возможности олигархам украсть общенародную собственность. Это была побочная цель и одновременно механизм, направленный на реализацию действительно главной задачи — ускоренную интеграцию экономики России в мировое хозяйство. По логике "отцов реформы", у нас должны были выжить только те отрасли, которые конкурентоспособны, т.е. востребованы на мировом рынке, а остальные подлежали ликвидации. Кто-то из "архитекторов перестройки" в этой связи даже ввел очень точный термин — "деиндустриализация". По прошествии 13 лет можно заключить, что деиндустриализация близка к завершению, а страна полностью сидит на нефтяной игле, став сырьевым придатком мировой экономики. Слезть с нефтяной иглы для России уже практически невозможно. Новая индустриализация нереальна. Во всяком случае, никто ею заниматься не собирается. Наоборот, скорейшее вступление в ВТО, о котором в послании говорится как о наивысшем приоритете, будет означать окончание процесса деиндуст-

риализации. В послании много и с неподдельной любовью сказано и о строительстве новых магистральных трубопроводов. Более ни о чем столь подробно не говорилось. Зачем нужны новые трубопроводы, тоже понятно. Наконец, красной нитью прозвучала мысль о том, что государство должно как можно скорее уйти из экономики. Из этого следует, что никакой институциональный базис создан не будет, регулирующей роли в экономике государство играть не намерено, никаких госинвестиций в хай-тэк, никакой промышленной политики тоже не будет. Владимир Владимирович искренне убежден, что любые госинвестиции, любая промышленная политика — это фиговый лист для разворовывания бюджетных средств и ничего более.

Сырьевая модель развития имеет характерные особенности. Она не предполагает сохранения 140-миллионного населения, которое сегодня имеется в России. По логике, наше население должно сократиться до 50 миллионов, и этот процесс идет. Кроме того, мировой опыт показывает, что любая страна, ориентированная на поставки сырья, рано или поздно попадает под весьма жесткие формы военно-политического контроля со стороны мировых центров силы. При этом, учитывая "экономически неэффективные" географические размеры России, можно ожидать, что разные части нашей страны, по-видимому, окажутся под контролем разных центров силы.

Затрону другую тему. Существует устойчивый миф, что экономический рост в России возможен только на базе высоких мировых цен на нефть. Это не так. Вспомним 1998-99 годы, когда нефть стоила 8-9 долларов за баррель. Между тем, экономический рост начался именно тогда, в декабре 1998 года при правительстве Примакова—Маслюкова, о чем сегодня на официальном уровне предпочитают не вспоминать. Мне, в силу должностных обязанностей, в то время первым довелось довести эту статистическую информацию до сведения СМИ и широкой общественности. В течение месяца в нее никто просто не хотел верить. Затем наши либералы сориентировались и стали срочно выдумывать объяснение: это якобы благотворные последствия дефолта. На самом деле не меньшую роль здесь сыграло то, что Маслюков смог преодолеть давление лоббистов и фактически заморозить рост тарифов естественных монополий. То есть все цены выросли в 3-4 раза, а стоимость газа, электроэнергии, железнодорожных перевозок, прокачки нефти оставалась практически неизменной. Именно за счет этого тогда и пошел рост ВВП, было выплачено свыше 6 млрд. долларов внешнего долга, а за границей не было заимствовано ни цента. При этом правительственную программу в апреле 1999 года Маслюков смог согласовать с Минфином США, МВФ и Всемирным Банком. Я говорю это к тому, что экономический рост может и должен быть независимым от цены на нефть.

Хотел бы коснуться темы Касьянова. Не хочу его идеализировать. Однако Михаил Михайлович — квалифицированный управленец, который действовал в тех рамках, которые ему определили конкретные политические условия. В первую очередь, присутствие в правительстве "питерских экономистов", которых, будь у Касьянова возможность выбора, он бы на пушечный выстрел не подпустил бы к Белому Дому. Что это за питер-

цы? Не переходя на личности, отмечу три их важных качества. Во-первых, наличие идеологической мотивации. В отличие от большинства российских чиновников, у которых присутствует исключительно коррупционная мотивация, ведущие президентские экономисты являются убежденными реформаторами-рыночниками. Точнее, выражаясь словами Джорджа Сороса, — рыночными фундаменталистами. Второе важное качество — некомпетентность. Наконец, будучи на деле весьма профессионально слабыми, все они обладают гипертрофированно завышенной самооценкой. Эта гремучая смесь и предопределила весьма экзотические реформаторские инициативы типа стремления догнать Португалию или удвоить ВВП. Я считаю, что главной заслугой Михаила Михайловича Касьянова было то, что он, опираясь на аппарат правительства, в котором ключевую роль играли люди, приведенные туда в свое время Юрием Дмитриевичем Маслюковым, сумел эффективно гасить такие инициативы в течение четырех лет. Конечно, заниматься модернизацией экономики у него просто не было политических возможностей. Однако при нем ни реформа ЖКХ, ни монетизация льгот, ни реформа энергетики реально так и не начались.

Несколько слов о Михаиле Ефимовиче Фрадкове. Он человек не менее грамотный и квалифицированный, чем Касьянов, и прекрасно понимает, что реально происходит с экономикой. Однако административная реформа лишила его инструмента в лице аппарата правительства, который позволял его предшественнику блокировать реформаторский маразм, который сегодня бьет ключом. Кстати, об административной реформе правительства. В экспертном сообществе существует точка зрения, согласно которой ее основная цель состояла в том, чтобы обосновать увольнение Касьянова. Так же как целью административной реформы в Минобороны являлось желание оправдать отставку Квашнина. На мой взгляд, это верно, но лишь отчасти. Не менее важным побудительным мотивом я считаю желание идеологизированных питерцев взять англо-саксонские управленческие схемы, о которых они что-то слышали или читали, и привить их на российскую почву. Своего рода мичуринцы. А то, что это неизбежно ведет к окончательной дезорганизации управления, этого они просто не понимают. Вообще, они ведут себя, как маленькие дети, которых оставили без присмотра. Вот они нашли где-то мамину заколку, разместились около электрической розетки и тыкают в нее этой заколкой. О том, чем это всё рано или поздно закончится, говорить излишне.

Что касается прогноза, то, я полагаю, мировые цены на нефть еще долго будут оставаться высокими. Это как у наркомана: ломка бывает тогда, когда заканчивается наркотик. А если доз предостаточно, можно пребывать в эйфории достаточно долго. Иными словами, Кремлю сейчас можно делать любые глупости, можно вообще ничего не делать, всё будет хорошо — объективных экономических причин для кризиса нет. Однако, с другой стороны, любое, в том числе вызванное внешними факторами нарушение политической стабильности способно моментально обвалить стабильность экономическую. Тем более что, как показала недавняя история с банками, уровень квалификации нынешних управленцев позволяет им создавать кризисы буквально на пустом месте.

Владимир ВИННИКОВ, культуролог.

Уважаемые коллеги, возможно, мои слова покажутся вам "сумбуром вместо музыки", но для оценки современного состояния отечественной экономики считаю необходимым оглянуться очень далеко назад, в эпоху Владимира Ильича Ленина. Сейчас очень пропагандируется тезис о том, что в споре меньшевиков и большевиков правы были меньшевики, что нельзя было делать революцию и строить социализм в одной стране, поскольку экономика определяет всё: и политику, и идеологию. Но, позвольте, разве Ленин не доказал обратное? Что идеология определяет политику, а политика — экономику? И разве не его же методами нынешние либералы "исправляли" ленинскую "ошибку" в начале 90-х годов?

Я говорю это к тому, что "дух животворит, плоть не пользуется нимало". И мы получаем в итоге такую плоть экономики, какую дух идеологии животворит через политические структуры. Уважаемый Александр Николаевич Анисимов всегда говорил о том, что вот Китай долгое время манипулировал статистикой, занижая специально свои экономические показатели. Должен сказать, что китайские товарищи в этом отношении учились у "старшего брата". Мне довелось познакомиться с еще неизданными, кажется, мемуарами бывшего шефа КГБ Владимира Ефимовича Семичастного, где вскользь так говорилось о том, что еще в конце 60-х годов население СССР уже достигло отметки в 300 миллионов человек. Еще одна интересная деталь: муляжи "новых стратегических ракет", которые во время традиционных парадов проводили по Красной площади, не только демонстрируя мощь страны, но и заставляя иностранных разведчиков-дипломатов отслеживать пути их дальнейшего перемещения со всеми вытекающими отсюда последствиями. То есть речь идет о том, что истинное лицо советской экономики могло сильно отличаться от ее парадного портрета. То же самое, если вы помните, происходило с портретами членов Политбюро ЦК КПСС.

Поэтому рассуждать о российской экономике, о ее состоянии без учета этих обстоятельств чрезвычайно сложно. Как, скажем, объяснить тот факт, что падение ВВП в РФ составило почти 50%, а производство-потребление электроэнергии не опускалось ниже 80%? Что, у нас энергоемкость единицы национального продукта увеличилась в 1,6 раза? Как говорил известный боец Сухов, это вряд ли.

К середине 60-х годов в СССР фактически сформировалась "трехконтурная" экономика. Главный, срединный контур здесь представляла "официальная" экономическая система под управлением Минобороны-ВПК. Внутренний, скрытый контур — "теневая" экономика, находившаяся "под крышей" МВД. И существовал еще внешний контур зарубежной экономики, легальной и нелегальной, который курировался КГБ. Но всё это уже не объединялось после XX съезда коммунистической идеологией и чем дальше тем больше функционировало в автономном режиме, подчиняясь "идеологии рынка", четко выраженной уже в так называемых "косыгинских" реформах. И естественно, что соотношение этих экономических контуров менялось уже "по силе", а не "по цели". С приходом в КГБ Андропова началось перераспределение ресурсов в пользу

внешнего контура, где прибыльность операций была в несколько раз выше, чем в сфере ВПК. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что за период 1968-1985 годов, то есть "до Горбачева", из страны было вывезено "чистыми" около 400 млрд. долларов, которые включились в механизмы западной экономики. "Разрядка" середины 70-х определялась во многом этим фактором. Когда соотношение контуров достигло определенного критического уровня, это и стало началом горбачевской "перестройки", а также следующих за нею ельцинских "реформ".

Если принять данные тезисы как рабочую гипотезу, то многие события отечественной и мировой истории последнего времени могут приобрести иной, и подчас совершенно неожиданный ракурс. Применительно к теме можно сказать, что Путин как представитель "внешнего контура" начал зачистку "внутреннего контура", той самой "теневой экономики" под крышей МВД, которая была союзником в начале 90-х годов при сломе контура ВПК. Удвоение ВВП, "делооборотней", повышение базовых тарифов и так далее — всё ложится сюда очень хорошо. Когда Путин говорит о верности курсу реформ, о невмешательстве государства в экономику, всё это надо, что называется, делить на шестнадцать. Что, "дело ЮКОСа" — это "невмешательство государства в экономику"? Но вопрос о том, какая идеология определяет эти действия нынешней "властной вертикали", выходит за рамки нашего "круглого стола".

Александр НАГОРНЫЙ.

Конечно, если брать состояние российской экономики в ее официальной ипостаси, то 6% роста — это очень хорошо. Но я хочу поставить другой вопрос: ведь эти виртуальные объемы, которые рисует Госкомстат, они зачастую не фиксируют реальные процессы в экономике. Деятельность Анатолия Борисовича Чубайса и других либеральных законодателей весьма смягчается необязательностью исполнения их распоряжений на местах. И все эти формулы о "невидимой руке рынка", "монетаризме чикагской школы" и т.д. были воплощены в жизнь весьма непрофессионально. И я могу допустить, что темпы роста на самом деле могут быть даже значительно выше официальных — за счет других форм экономической активности, которые нигде не учтены. Как бы наверху ни хотели всё уконтропупить и разрушить, это им не удастся. По всем законам, усилия реформаторов должны были привести к полной аннигиляции российской экономики еще в 1992 году. Но этого почему-то не произошло. Сейчас команда монетаристов во главе с Чубайсом снова вырвалась на оперативный простор, и ее столкновение с реальностью, скорее всего, окажется непредсказуемым на протяжении от полугода до полутора лет. Модель тотального разрушения очень легко построить. Если мы вступаем в ВТО, принимаем Киотский протокол, то нам надо закрывать всю металлургию, цветную и черную, например. Но, скорее всего, в ВТО нас, несмотря на все усилия Грефа и Кудрина, не возьмут, а реальность окажется сколь катастрофичной, столь и неожиданной. Государство сидит на мешке в 120 млрд. долл., как собака на сене, и не тратит его — видимо, с какой-то целью. Может быть, распиливать эти деньги "под кризис", наподобие кредита МВФ, может быть, еще что-то.